

В. Ю. ПИЛИПОВИЧ

ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ РЕПАТРИАНТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Вторая Мировая и Великая Отечественная война — феномены, являющиеся объектами постоянного изучения многочисленными исследователями. Появляются новые факты, гипотезы, подходы и, тем не менее, возникают все новые вопросы, на которые необходимо отвечать, хотя бы с целью заполнения «белых пятен» в историческом прошлом нашей страны.

Одной из наименее изученных является тема репатриации советских граждан в Советский Союз, их социальное положение и судьбы в рейхе и после возвращения на родину. Долгое время эта тема не изучалась в связи с ограниченностью доступа к соответствующим источникам. Однако исследование процесса репатриации гражданского населения на территорию СССР и изучение судеб перемещаемых лиц представляют известный научный интерес, поскольку данный вопрос занимал одно из важных мест в переговорах между странами-участницами Второй мировой войны и окончательно определил отношение власти к бывшим репатриантам, оказавши влияние на послевоенное устройство советского общества.

Еще менее исследованным вопросом продолжает оставаться процесс социальной адаптации оstarбайтеров в рейхе и репатриантов по воз-вращении на родину. Будучи, в основной своей массе, не по своей воле, перемещенными в Германию и страны-сателлиты для принудительного труда, советские граждане оказались в сложнейших условиях. Мно-

---

Піліповіч Віталь Юр’евіч — аспірант кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

гие из них столкнулись с издевательствами, постоянным оскорблением, острой нехваткой пищи и элементарных вещей. Вместе с тем, даже военная Германия оказывала неизгладимое впечатление своим богатством, порядком, устроенностью жизни. Вырванные из семьи и круга друзей принудительные рабочие вынуждены были приспосабливаться к резко сменившимся условиям жизни. Незнание языка, неопределенность, страх перед хозяевами стали первостепенными факторами, воздействующими на личность. К этому добавлялось осознание того, что работая на экономику Германии, ты косвенно участвуешь в войне против собственного государства. Данный факт подталкивал наиболее решительных к побегам, которые, как правило, заканчивались заключением в концлагере, где деструктивные факторы воздействия на личность были более мощными. Мировоззрение и поведение людей менялось кардинальным образом, по мере того как они приспосабливались к тяжелейшим условиям. Мы можем говорить о том, что оstarбайтеры, для того чтобы выжить, ресоциализировались в непростой и жесткой ситуации, в которой оказались в процессе войны. После возвращения на родину им предстоял новый процесс ресоциализации [10, с. 88]. Как отмечают исследователи, бывшим оstarбайтерам приходилось начинать свою жизнь с «чистого листа» не только из-за утраты дома, семьи, но также из-за приобретения нового социального статуса «репатриант», который определялся подозрительным отношением советского государства и общества [12, с. 253].

Актуальность изучения вышеотмеченных аспектов диктуется временем. Мировая историческая наука дает материал для компаративного анализа одного и того же исторического феномена в разных государствах. Так, в западных странах (Бельгия, Франция, Голландия) в 50— 60-х гг. XX в. даже сознательно сотрудничавших во время Второй мировой войны с нацистами граждан пытались реинтегрировать в социум. Возвращение коллаборационистов в национальное общество стало считаться «задачей, которую нельзя было больше игнорировать». Было проведено широкое восстановление в правах ранее осужденных. Национальные общества этих государств консолидировались в поисках консенсуса и примирения [18, с. 132—133]. Иная ситуация наблюдается в советском обществе по отношению к

репатриантам. Виновные в сотрудничестве с оккупантами были наказаны и уже 17 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отече-

ственной войны 1941—1945 гг.». Осужденные на срок до 10 лет лишения свободы коллаборанты освобождались из мест заключения, остальным срок сокращался на половину [19, с. 108]. В то же время слово «репатрианты», все «преступление» которых заключалось в том, что они проживали более или менее продолжительное время на территории рейха, в массовом бытовом сознании продолжало ассоциироваться чуть ли не с «врагом народа». Данный стереотип подкреплялся действиями чиновников и руководителями различных рангов, а также «огульным недоверием» к возвратившимся гражданам. В архивах партийно-государственных органов находятся многочисленные обращения репатриантов, в которых они требовали восстановления справедливости.

Таким образом, необходимо отметить, что, несмотря на внешнюю активность государства по включению вернувшихся граждан, в первую очередь в идеологическое русло советского общества, эти мероприятия носили поверхностный характер и обеспечивали интересы государства [14]. Показателем успешной ресоциализации является высокий статус личности в обществе, в то время как репатрианты фактически стали маргинальной его частью. Один из первых исследователей репатриации В. Н. Земсков подчеркивает, что в течение десятилетий многие тысячи людей испытывали комплекс неполноценности из-за своей принадлежности к категории граждан с ярлыком «репатриант». Он осторожно отмечает, что нельзя сказать, что в морально-психологическом плане репатрианты были поставлены вне общества, но, по крайней мере, они как бы находились на его обочине [11, с. 40]. Через фильтрации, постоянные проверки и вызовы в органы реализовывались не карательные функции, а предупредительные и устрашающие, нацеленные на то, чтобы репатрианты сдерживали свои личные стремления и попытки самореализации в советском обществе. Только 24 января 1995 г. в Российской Федерации был подписан Указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» [19, с. 108]. Очевидно, что проблема ждет своего исследователя. Необходимо изучение данного вопроса с использованием всех достижений мировой исторической науки через призму социально-антропологического подхода, в центре которого — «человек во времени».

Особенностью источниковой базы обозначенного проблемного поля является труднодоступность документов. На протяжении послевоенных

десятилетий подавляющее большинство материалов, касающихся вопросов репатриации, не было доступно исследователям. К сожалению, часть из них до сих пор засекречена. Это обстоятельство вынуждает вводить в научный оборот данные устной истории и использовать новые методы при обработке имеющихся источников [13].

Информационным источником по проблемам Великой Отечественной войны являются материалы Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба по Белорусской ССР. Среди документов ЧГК содержатся опросные листы, представляющие собой массовый источник для изучения процессов депортации оккупационными властями советских граждан за границу и их репатриации на родину после освобождения. Эти листы являются уникальным материалом для изучения состава репатриантов, их половозрастной структуры, социально-классовой принадлежности, места и времени нахождения в неволе, а также условий пребывания на выполняемых работах.

Для осмысления информации, содержащейся в этих документах, важно выявить и понять процесс их составления, т. е. каким образом репатрианты передавали сведения о пребывании на работах в рейхе либо пытались скрыть некоторые подробности.

Работа по составлению опросных листов была начата на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. и в соответствии с Нотой Народного Комиссара иностранных дел В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. В апреле 1945 г. в обкомы КП(б)Б было направлено письмо за подписью председателя ЧГК Н. Шверника [3, л. 18]. Ответственность за реализацию постановления по составлению опросных листов для репатриантов возлагалась на областные комиссии содействия в работе ЧГК по учету ущерба и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков под председательством первых секретарей обкомов КП(б)Б. Такое же по содержанию директивное указание областных комитетов КП(б)Б было направлено в райкомы партии. На местах работу по опросу репатрируемых из Германии следовало проводить через районные организации с привлечением работников следственных органов, милиции и общественных активистов под руководством райисполкомов.

Фактически, данная директива давала установку разъяснить репатрированным гражданам, как следует отвечать на вопросы, поскольку

внимание настойчиво обращалось на нечеловеческие отношения, «... условия жизни и издевательства, которые немецкие рабовладельцы совершали над советскими гражданами» [3, с. 18]. Следовательно, сведения о «хороших немцах» считались явлением отрицательным и свидетельством о недостаточной политико-просветительской работе с репатриантами [4, л. 127], а сведения об антисоветских настроениях среди них собирались и обобщались [1, с. 281].

Вместе с заполнением опросных листов возвратившиеся граждане должны были лично написать заявления с подробным описанием условий жизни на немецкой каторге и издевательствах, которые немецкие рабовладельцы совершали над ними. Однако в заявлениях, как правило, содержались только просьбы о принятии на учет в исполкоме и о возвращении советского гражданства.

Структура опросного листа была утверждена и рассылалась в качестве приложения вместе с директивой об их составлении. Опросный лист представляет собой анкету, состоящую из 17 пунктов: Ф. И. О. опрашиваемого, год и место рождения, домашний адрес, место работы и занимаемая должность до угона немецкими войсками, дата угона, место назначения и условия нахождения в пути, обстоятельства направления на работу, место работы и жительства за границей, изложение условий работы и жизни в неволе, описание фактов издевательства, насилия с перечислением имен виновных.

Изученные анкеты отличаются по своему информационному наполнению. Отчетливо видна дифференциация между анкетами, заполненными представителями комиссии и заполненными лично самими репатриантами, каждый из которых самостоятельно определял смысловую нагрузку вопросов и необходимую степень полноты ответа на каждый пункт. Листы, заполненные самими репатрированными, отличаются личным отношением к событиям за границей, более подробными ответами, а анкеты, заполненные сотрудниками комиссий, представляют собой обобщенные сведения о репатриантах.

Роль сотрудника комиссии при составлении анкеты отчетливо про-являлась при опросе о состоянии неграмотности репатрированных граждан. Заполнение анкеты зависело от его эрудированности в вопросах репатриации, понимания пунктов анкеты, желания выяснить истинные сведения о жизни репатриантов за границей. Некоторые из работников, занимавшихся опросом, однотипно составляли анкету, и создается впечатление, что люди разного возраста и мест пребывания за

границей имели одинаковую судьбу. Например, в опросных листах в 14—16 пунктах для описания жизни советских людей за границей использовали одни и те же понятия: «работал от зари до зари» [6, л. 17], «издевательства и насилия не было» [9, л. 4], «издевались побоем» [8, л. 47]. В опросных листах мы находим и некоторые сведения о том, когда и как возвращались домой репатрианты: «При наступлении Красной Армии удалось убежать от хозяина-немца и вступить в РККА 12 ноября 1944 года» [5, л. 35 об.]. Другая репатриантка указывает: «Освобождена с германской неволи 3 Белорусским фронтом в январе 1945 года» [5, л. 7 об.]. Некоторые указывают сведения о том, что были задействованы советскими войсками в Германии на сельскохозяйственных работах, при перегоне скота, работе в госпиталях и военторгах [5, л. 9 об.]. Данные свидетельства, хотя неполные и фрагментарные, но помогают восстановить хронологию и обстоятельства возвращения репатрированных граждан.

Во многих анкетах вообще не были заполнены отдельные графы. Наиболее часто это встречается в п. 16 («Перечисление лиц администрации предприятия, лагеря, ... и других лиц, виновных в эксплуатации и истязаниях советских граждан...») и п. 17 («Особые замечания»). Нередко наблюдается отсутствие ответа в 15 пункте («Краткое изложение фактов издевательства, насилия, истязаний, побоев...»). Можно предположить, что отсутствие необходимых сведений в пунктах 15 и 16 следует понимать как отрицательный ответ на данные вопросы, а пробел в ответах на 17 пункт, скорее всего, связан с неопределенной формулировкой данного пункта. Некоторые исследователи отмечают, что подобные случаи вряд ли можно объяснить тем, что работники комиссий собирались скрыть какие-либо сведения. Это, вероятно, было продиктовано необходимостью ускоренного проведения опроса среди возвратившегося населения и представления собранных материалов в вышестоящие органы [20, с. 26]. Хотя возможно, что репатрианты, боясь скомпрометировать себя какими-нибудь дополнительными сведениями, предпочитали обходить эти вопросы.

При изучении опросных листов были обнаружены и неподписанные листы опрашиваемых и опрашивающих, и без проставления штампов. Можно предположить, что это были случайные упущения. Однако напрашивается вывод о том, что данные листы могли составляться без непосредственного контакта с репатриантами либо спустя некоторое время и по данным, содержащимся в заявлении. Эти факты сигнализируют

руют о необходимости внимательного изучения, поскольку сведения могут быть недостоверными либо частично искаженными, не отвечающими реальному положению вещей.

Для полноценного исследования опросных листов не достаточно традиционных методов анализа. Современные компьютерные технологии представляют широкие возможности для анализа массовых источников. Сам вид исторического источника уже определяет модель представления данных. Анкета (опросный лист) — это, по сути, готовая таблица базы данных, а следовательно, стоит задача выбора адекватной системы управления базой данных (СУБД). К преимуществам этой модели БД можно отнести простоту представления данных, возможность их пополнения и преобразования, контроля секретности, независимость логической организации данных от технической базы [17, с. 105].

Возможности БД позволяют выделить типичные черты среднестатистического остарбайтера-репатрианта: его возраст, социальное положение до депортации, дату депортации, время пребывания в рейхе, сферу занятости, отношения к нему со стороны хозяев и администрации, и его отношения к происходящему. СУБД дает возможность типизации данных опросных листов, а следовательно, и их авторов. Отчетливо выделяется группа репатриантов, которые положительно представляли свое пребывание в Германии и ее странах-сателлитах. Не менее четко представлены репатрируемые, имеющие негативные впечатления о пребывании в рейхе. Легко обрабатываемые данные в БД позволяют получить те сведения о жизни за границей и возвращении белорусских граждан, которые ускользают при традиционном подходе к изучению.

Очевидно, что попавшие на работы в рейх граждане опасались репрессий со стороны руководящих органов СССР, и тем более, что слухи о наказании распространяли контактируемые с ними красноармейцы и офицеры советских войск. Переживания людей отразились и в утаивании либо преднамеренном искажении информации при составлении анкет. Значит, обработанные данные опросных листов при известном подходе могут помочь выявить приемы маскировки, используемые репатриантами при описании своего пребывания за границей [20, с. 25]. Достаточно часто репатриированные избегали подробных ответов, пользуясь идеологическими клише при описании злодеяний оккупантов и жизни за границей, пытаясь уйти от ответственности за те или иные сведения, не вписывающиеся в рамки советской пропаганды.

Поскольку некоторые опросные листы имеют достаточно большие текстовые фрагменты, при их исследовании целесообразно применять такие методы изучения текстов и дискурса, как, например, контентанализ и дискурс-анализ. Заметим, что контент-анализ приемлем при изучении открытых вопросов анкет и позволяет раскрыть реальные социально-психологические явления, нашедшие выражение в подсознании анкетированных.

Информация опросных листов вводит нас во внутренний мир репатриантов, бывших остарбайтеров, который мы можем рассматривать в исторической динамике. Процессы ресоциализации, адаптации и другие психологические феномены и явления представляют собой субъективную реальность, изучение которой возможно на основе субъективных источников, какими собственно являются опросные листы. Целиком и полностью это можно отнести к анкетам, заполненным непосредственно самими репатриантами. Эти документы в некоторой мере освещают психологию личности «изнутри», открывая возможность для изучения историко-психологических явлений. Образ Германии в предвоенном официальном советском дискурсе менялся от «врага-фашиста» до «союзника», поэтому в сознании многих репатриантов «образ немцев» формировался исходя из их субъективного опыта, что отчетливо заметно в данных опросных листов. В ряде случаев этот опыт представлен уже преломленным через призму советской пропаганды и «идеологических штампов», что уже свидетельствует о несистемных самостоятельных попытках ресоциализации во вновь поменявшихся условиях. Такие сведения, наряду с данными устной истории и мемуарами, играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности в специфичной атмосфере эпохи [16, с. 19]. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, волей судьбы попавших в сложнейшие условия пребывания, в которых приходилось балансировать на грани жизни и смерти, героизма и предательства.

Опросные листы — источник изучения исторической памяти репатриантов. Память человека устроена таким образом, что индивид запоминает в первую очередь факты и события, наиболее значимые для себя, возможно незначительные и не связанные между собой, но которые более сильно окрашены эмоционально. Так мы можем наблюдать психологию отдельного человека на разных этапах жизни, а поскольку опросные листы являются источником массовым, открывается возмож-

ность создания образа целой социальной группы. Необходимо отметить, что изучение «субъективных источников», раскрывающих сферу «индивидуального», возможно лишь в контексте «объективных источников», характеризующих событийную сторону истории.

Первичный анализ опросных листов показал, что они являются информативным источником, содержащим не просто сведения, а конкретную информацию по большому контингенту людей. Во многом информация субъективна, но учитывая тот факт, что при составлении опросных листов преследовалась цель собрать максимальное количество сведений об «издевательствах и истязаниях германскими рабовладельцами советских граждан», она может оказаться и недостоверной. Большую роль играли сами представители комиссий по опросу граждан. Опросные листы по одному и тому же сельсовету бывают заполнены одним почерком и по одному шаблону [7, л. 1—71]. Например, на вопрос о том, кто руководил угоном советских граждан в неволю, давался ответ одним словом — «немцы», либо на вопрос о фактах издевательствах «издевались побоем». И тем не менее анкеты являются ценным массовым источником по военному и послевоенному периодам, представляющие не только одну из черт эпохи, но и в известной мере внутреннее состояние людей, являющихся, по выражению П. М. Поляна, российского исследователя репатриации, жертвами двух диктатур [15]. Включение опросных листов в научный оборот позволит при изучении процессов репатриации выйти на уровень микроистории, что соответствует тенденции «антропологического и лингвистического поворотов» в мировой практике исторических исследований. Индуктивный подход дает возможность осветить историю «целого», не пренебрегая индивидуальностью и субъективностью «частного». Как отмечает известный исследователь войны Е. С. Сенявская, именно это позволяет сделать науку о событиях прошлого живой и эмоциональной [16, с. 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусские остарбайтеры : ист.-аналит. исслед. / Г. Д. Кнатько [и др.]; под ред. Г. Д. Кнатько. Минск : НАРБ, 2001. 336 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Фонд Р514. Материалы Брестской областной комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учету причиненного ими ущерба по Белорусской ССР.
3. ГАБО. Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 5. Директивные указания ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б.

4. ГАБО. Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 196. Справки, докладные и другие документы обкомов КП(б)Б и ЛКСМБ по вопросам агитационной и культурно-просветительской работы в области.
5. ГАБО. Ф. Р514. Оп. 1. Д. 330. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Каменецкому району.
6. ГАБО. Ф. Р514. Оп. 1. Д. 291. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по г. Бресту и Брестскому району.
7. ГАБО. Ф. Р514. Оп. 1. Д. 335. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Кобринскому району.
8. ГАБО. Ф. Р514. Оп. 1. Д. 338. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Березовскому району.
9. ГАБО. Ф. Р514. Оп. 1. Д. 339. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Высоковскому району.
10. Гидденс, Э. Социология : учебник / Энтони Гидденс; пер. с англ.; под общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
11. Земсков, В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1959 гг. / В. Н. Земсков // История СССР. 1990. № 4. С. 26—41.
12. Пастушенко, Т. Соціальна адаптація репатріантів у повоєнному радянському суспільстві / Тетяна Пастушенко // Повеєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х — середина 1950-х рр.) : у 2 кн., 3 ч. / Відп. ред. В. М. Даниленко. Київ : Інститут історії України НАН України, 2010. 351 с. Кн. 1. Ч. 1—2.
13. Пилипович, В. Ю. Репатриационные процессы Второй мировой войны на Брестчине : классификация источников / В. Ю. Пилипович // XII Респ. научно-методич. конф. молодых ученых : в 2 ч. : сб. материалов, Брест, 14 мая 2010 года / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина; под общ. ред. С. А. Марзана. Брест : БрГУ, 2010. Ч. 1. С. 52—53.
14. Пилипович, В. Ю. Организация политической работы с репатриантами в Брестской области (1944—1946 гг.) / В. Ю. Пилипович // Моладзь Берасцейшчыны : зб. студэнцкіх навук. прац / рэд. рада : А. Ю. Бодак [і інш.]. Брэст : Альтернатива, 2009. С. 166—170.

15. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П. М. Полян. М. : Росспэн, 2002. 894 с.
16. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке : Ист. опыт России / Е. С. Сенявская; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М. : Росспэн, 1999. 382 с.
17. Сидорцов, В. Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии : учеб.-метод. пособие / В. Н. Сидорцов. Минск : БГУ, 2003. 143 с.
18. Современная мировая историческая наука : Информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Междунар. конгресса историков и X Междунар. конф. «История и компьютер», Монреаль, август — сентябрь 1995 г.) / редкол. : А. Н. Алпеев и др. Минск : НТООО «ТетраСистемс», 1996. 196 с.
19. Судьбы военнопленных и репатриированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий (1996) // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91—112.
20. Толстых, И. Н. Опросные листы как исторический источник (На примере Новгородской области) / И. Н. Толстых // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2003. № 25. С. 25—28.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 23 снежня 2009 г.